

Владислав
БАХРЕВСКИЙ

г. Москва

повесть

РОДИНА НАШЕГО ГОЛУБЧИКА

ТРЕЛЬ

Кто живёт в яйце, во-первых, тоже учится. Во-вторых, точь-в-точь, как мы, ждёт завтрашний день.

Птенцу ласково в яйце. Все сны — счастливые. И очень хочется родиться.

Птенцы-то птенцы — ни крыльев, ни перьев, но ведь мудрецы.

Наш голубчик знал: за стенами скорлупы — жизнь. А вот что она такое?.. Утром яйцо до краёв наливалось светом, вечером тоже до краёв — тьмой.

Однажды из тьмы, совсем близко (с ветки над гнездом) раскатилась трель. Но уж такая короткая!

У птенца душа с птенца. Душа обмерла, ожидая, а песенки нет и нет. Тут-то и услышал голубчик своё сердце. Тук-тук-тук! И!

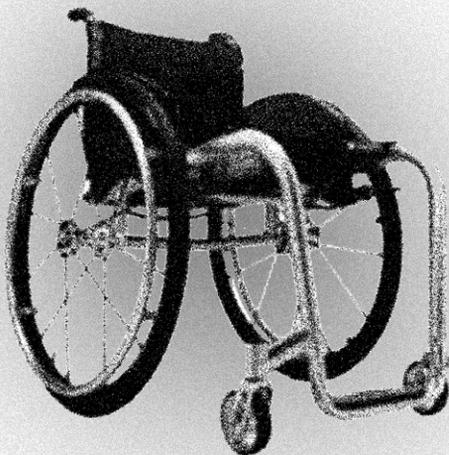
Щёкот. Ясный, чистый. Певец голоса не напрягал, но щёкот занял собою весь мир за стенами яйца. Щёкот рос, и душа птенца тоже принялась расти. Тут бы и родиться!

Утерпел. А вот в горлышке поместилось неведомое.

С этой ночи птенец не жил, он ждал. А трелей не было. И сил терпеть не осталось.

Голубчик наш запрокинул голову и ударил клювом по скорлупе.

Мир яйца рассыпался. Новорождённого объял свет. В это мгновение птенец забыл жизнь, огороженную со всех сторон скорлупой.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЖИЗНЬ

Вяйце птенец занимал всё яйцо. Он был огромный...

И – первое открытие! Жизнь – это теснота. В гнезде, где наш голубчик нашёл себя, шесть разинутых ртов – головы не видно.

Прилетела птичка и положила в клюв голубчика паука!

– Я – птица! – это было второе открытие и последняя мудрость вышедшего из яйца.

Всё, что новорожденный умел, – сидеть в гнезде с открытым клювом. Всё, о чём думал: хочу есть!

ЖИЗНЬ В ГНЕЗДЕ

Так и жили: солнце село, рот закрылся, солнце встало – рот нараспашку.

Птенцы спали, ели и росли. И обрастали пухом. Пушистые шарики уже никак не помещались в гнезде. И тогда все шестеро из гнезда выпали.

Никто не ушибся. Земля близко, трава высокая. Жизнь у птенцов пошла травяная.

ПАУТИНА – СТОЛОВАЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Трава приняла Голубчика бережно. Покачивая, опустила на землю и распрямилась.

Все, кто очень ждал птенца, – зубы, лапы, когти – тарасили глаза, нюхали воздух, но сладкая добыча исчезла.

Голубчик переступил с лапки на лапку – земля тёплая, добрая. Травка-муравка – по грудь. У самой земли – белые звёздочки цветов, а кругом – зелёные непролазные дебри растений. Голубчик стоял, упершись клювом в стебель. Поднял голову – а у стебля в небе метёлочка.

Прилетела птица, села на метёлочку. Стебель не сломался, не погнулся. Птица тихонечко свистнула, и сердце Голубчика обмерло. Он вспомнил трель. Ждал, а птица молчала.

– Простушка! Камышовка! Смотреть не на что! – рассердилась мама-птица, раздвигая траву. – Скорее! Я веду вас к тенётам. Тенёта – это паутина.

Паутину паук натянул от земли до неба. В паутине – мошки, мухи, комары, клещи, саранча... Даже кузнечик!

– Ешьте! – сказала мама. – Это на завтрак. – И склевала паука.

– Что ты наделала? – закричало сердце нашего Голубчика.

– Как что? Я съела добычу. Пауки – лучшая пища.

– Мама! Ты посмотри, сколько мошек наловил своей сетью несчастливый паук! Наловил для нас.

Птица-мама призадумалась.

– Ты прав. Вас много, вас накормить надо. Мне ведь и подумать недосуг. Пошевелить мозгами.

– Мама! – признался Голубчик. – Я мозгами не шевелил. Я думал сердцем.

ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ ПТЕНЦА

– **Ж**ить в траве – счастливая доля, – сказала мама-птица перед сном. –

Трава-мурава — наше детство. Не всякой птице такое дано. Радуйтесь каждому дню.

Голубчик проснулся утром и обрадовался. Свету. Потом заре. Солнцу. И вдруг увидел над травами розовое пламя.

— Кипрей расцвёл! — сказала мама. — Наглядеться на мир Творца — жизни не хватит. Все за мной. Сегодня на завтрак — сладкое!

Повела птенцов быстро, и Голубчик сначала попевал за всеми. А на пути — колокольчик. На колокольчике, на синем, изумрудное существо с прозрачными крыльями. Глаза — золотые, усы — золотые, лапки — золотые.

— Что ты застыл? — накинулась мама-птица на Голубчика. — Твои братья и сёстры лакомятся сладкой тлём, а ты, голодный, глазешь! Торопись! Это всего лишь златоглазка.

Потянулась склонуть чудо, но птенец загордил дорогу.

— Мама! Златоглазка, как сказка!

— Глупости! Надо есть! Надо расти! Дорога нас ждёт далёкая, трудная!

Теперь мама шла следом за птенцом: как бы опять не загляделся.

Пушистая семейка доедала тлю. Голубчик и не подумал огорчиться. Он смотрел на муравьёв. Муравьи разрыли землю под кустиками земляники. Корни обнажились, а на корнях золотые шарики — кошениль! Вот и еда.

Позвал всех и сам наелся.

— Ко мне! Под крылья! — вскрикнула мама отчаянно.

Сбежались, укрылись, затаились.

Их всех накрыло тенью. Под солнцем парила птица.

— Коршун! — мамино сердце билось уж очень громко. — Это «птичья гроза». Запомните.

Голубчик коршуна запомнил. Он бы и дальше смотрел на «птичью грозу», но прилетела бабочка небывалая. Величиной с маму. Крылья чёрные, отливают синевою.

— Мама! — прошептал Голубчик. — Ты посмотри!

— Переливница. Невелика редкость.

— Как хорошо, что не редкость! — обрадовался Голубчик. — Мама! Я живу целую вечность, а чудес не убывает.

— У Творца всё чудо. Но скажи нам: это какую же вечность ты прожил?

— Я жил в яйце, жил в гнезде, живу в траве... Три вечности!

Мама снова призадумалась. Птенец был прав. Забавный птенец, но за ним нужен глаз да глаз. Как бы не отстал от братьев, от сестёр — в росте, в силе крыльев. Хилому моря не перелететь.

СТРАШНЫЙ ДРУГ И РАДОСТНЫЙ ВРАГ

Мама вела семейство в малинник. Птичьи дороги и птичьи тропы в траве невидимы.

Голубчик шёл седьмым.

Последний может на шажок, на другой задержаться — подивиться тому, чего пока ещё не видел.

Сияла росинка. Как не посмотреть на солнышко у самого клюва?

А впереди — нежное.

— Это мох! — объяснила птенцам мама-птица. — Для гнезда — хороший строительный материал.

Голубчик дотронулся клювом до мшинки.

Тёмно-зелёный мох сиял нежно, таил таинственное. И Голубчик догадался.

— Мох — цыплёнок леса!

Как же ласково во мху. Закрыв глаза, поджал ножки — и будто в гнезде.

А в лесу творилось чудесное. Птичьи свисты разбегались звенящими ручейками. Ручейки искали кого-то, чего-то. Может, птичью реку, птичье певчее море?

— А может, они меня ищут? — храбро подумал Голубчик.

Но ждал он щёкота. А вместо щёкота — трещотка.

— Тра-та-та-та-та! Тра-та-та-та-та!

Уж так весело! Птица чёрная, белобокая. Хвост тоже чёрный, но по нему зелёные всполохи.

Голубчик чуть было на ноги не вскочил — рассмотреть радостную трещотку. Но он был один. Не вскочил, голову изо мха не поднял.

Птица улетела, и птенец побежал догонять своих.

Разлетелся и — стоп! Нога застыла в воздухе.

Глаза распахнулись. Все пушинки на теле поднялись. В одном шаге — всего в одном шаге! — Голубчик стоял перед травяным великаном.

Два огромных рога с острыми отростками грозили бедой. Усы — с гнездо! Коричневый панцирь блещет мрачно. Три пары лап, на лапах — шипы!

Голубчик отвёл поднятую ногу назад, а что ещё сделать — не знал. Стоял на одной ноге, не падал, но и не понимал: жив или не жив. И тут мама! Всё разрешилось хорошо и просто. Чудовище рогатое зашевелило лапами и обошло птенца.

— Мамочка! Ты спасла меня! — пролепетало сердце Голубчика.

— Это жук-олень! — сказала мама, опускаясь на траву. — Самый большой жук в нашем лесу. Нам травяной олень не страшен. Я испугалась сороки.

— Которая тра-та-та-та-та?

— Трескотня — это сорочье пенье. Берегись белобок. Они крадут чужих птенцов.

УЖАСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

А в малиннике шёл пир. Тут тебе и сладкая ягода, и крошечные гусеницы на листьях. В паутинках, на паутинках — кого только нет!

Голубчик вдруг огорчился:

— Мы же грабим пауков! — сказал он старшему брату. Старший брат первым вышел из яйца.

— Ты не о пауках, ты о крыльях своих думай! — сказал старший брат сурово. — На слабых крыльях море не перелетишь.

Старший брат был умный. Голубчик вздохнул и принялся склёвывать мошек с паутины. А о пауке не забыл. Вытягивал добычу осторожно, чтобы не порвать паутину.

И вдруг показалось Голубчику — трава шевелится. Скакнул вверх — не видно. Вышел из малинника — не видно. Отошёл подальше, приподнялся сколько мог, вытянул шею и увидел острые уши и густую рыжую шерсть.

— Зверь! — закричало сердце Голубчика.

— Лиса! — учуяла мама. — Все — под куст! Глубже! Глубже!

Птенцы попрыгали, носы — в землю, зажмурились.

Наш Голубчик убежать не успевал. Уж очень далеко отошёл от малинника. Мама-птица налетела на рыжего охотника, ударила крыльями по глазам.

Страшный зверь — это был лисёнок — кинулся наутёк, но опомнился. Бежит от птицы! От птички! Она меньше воробья!

Подпрыгнул, щёлкнул зубами. Но птица упорхнула, затаилась в малиннике, и птенец исчез.

Лисёнок понюхал воздух.

Не исчез. Сидит у самого края куста.

Лисёнок крался к добыче, прячась в высокой траве. Ближе, ближе. И!

Они смотрели друг другу в глаза: наш Голубчик и тот, кто пришёл за Голубчиком.

Птенец был в пёрышках, но пёрышки на крыльях короткие. На таких не улетишь.

Птенца защищали колючие плетвы малины и сухая ветка с иглами. Лисёнок облизнулся...

Вот так и случается беда. Хищник напряг тело — прыгнул. Мгновение длилось, длилось, а страшного не произошло. Сухая ветка терновника вонзила лисёнку в нос и лапы жестокие колючки.

Лисёнок визжал, скулил. Полз прочь от куста на брюшке, в лапах занозы.

В лесу стало тихо. Страх стоял за каждым деревом. Но страх унесло ветром, а плач лисёнка всё ещё долетал до птенцов.

ГЛУПЫЙ ИЛИ СМЕЛЫЙ

— Почему ты не спрятался? — мама-птица даже крыльями замахала на Голубчика.

— Я хотел посмотреть... Мама!

— Но это был зверь!

— Мама! Меня защищали колючки.

Старший брат замахал крылышками-культяпками.

— Уцелел, а что-то не обрадовался! От страха ни жив ни мёртв.

Голубчик голову опустил.

— Я жалею.

— Того, кто хотел тебя съесть?! — закричали, ужаснувшись, птенцы.

Они сбились около мамы, и все смотрели на Голубчика.

— Лисёнок плачет. Он маленький!

Птенцы прижались к маме:

— Наш брат очень глупый или очень смелый?

— Он у нас Голубчик, — мама вздохнула, а потом ещё раз вздохнула и взлетела. — Дорога домой свободна.

НОЧЬЮ НАДО СПАТЬ

Солнце на закат — птицы в гнёзда. Засыпают, чтобы тьму не видеть. Тьма по земле ползёт крадучись, небо меркнет, тут-то и пробуждается сова.

Наш Голубчик не уснул вовремя. Засмотрелся на одинокую звезду. Свет звезды покойный, красота уж такая простая! Голубчик даже культяпки поднял: тотчас и полетел бы к звезде, чтобы ей не было одиноко. Но перья на крыльях коротки.

И вдруг звезды не стало. Звезду заслонили. Над кустом, под которым жили птенцы, повисла, вглядываясь в траву, сова.

Голубчик за своё сердце испугался. Уж очень громко стучит. Мама говорила о совах. Совы видят ночью, днём они слепые. Слышат совы даже пауков, бегающих по паутине.

Как же долго висела сова над нашим Голубчиком. И — ринулась к земле. Голубчик даже глаза забыл закрыть.

А сова уже в небе, в её когтях — мышка.

В лесу жутко заухало. Кто-то из птенцов пискнул.

— Это филин, — сказала мама. — Филин, как и сова, по ночам не спит. Филин ловит зайцев. Даже на косуль нападает. Мы ему не надобны. Спите.

Голубчику не спалось. Жить, оказывается, страшно. Зубастый лисёнок, сова с когтями, филин, ловающий зайцев... Но ведь и звезда!

Голубчик открыл глаза пошире. В небе пусто, но оно светится.

Голубчик выбрался из-под куста. Травы все серебряные. Луна!

В горлышке затрепетало неведомое, кинулось расти. И тут Голубчик снова вспомнил и щёкот, и тончайшую нить трели.

Осенило! Он всё это слышал, когда жил в яйце.

Сделал шаг, другой... Если крылья не выросли, можно дойти... до луны, до звезды.

И — обмер. Два фосфорических огня горели среди травы. А в стороне ещё два таких же ледяных огня. И некуда бежать.

Лапы и пасть ринулись неотвратимо... Визг! Скулёж!

Фосфорические огни исчезли. Скулёж удалялся.

Так-то вот поохотился лисёнок ночью. Лиса не помогла своему щенку. Пусть усвоит урок: на серую птичку ростом с воробья, на её пушистых птенцов охотиться — грех.

НИ МНЕ, НИ ТЕБЕ, НО КОМУ-ТО ПЛОХО

Мама вела птенцов к тенётам. По дороге учила:

— Надо есть, надо расти! Нам же в Африку!

— Африка, она какая? — спросил Голубчик.

— В Африке деревья цветут! — сказала мама. — Там есть деревья синие, как небо.

— Синие, как небо! — удивился Голубчик и увидел в стороне от тропы сине-голубую землю.

— Пошли! Пошли! — торопила мама. — Это зацвели незабудки.

— Но, чтобы незабудок не забыть, надо им порадоваться.

Голубчик зашёл в цветы.

— На земле, а как в небе! Я могу летать по земле.

Замахал культияками, уже обросшими перьями, побежал по незабудкам.

И — фуфыр-рь! С неба на цветы упала стая воробьёв.

— Затаись! Коршун!

В небе кругами плавала «птичья гроза».

— Ты летаешь? — спросил воробей Голубчика.

— У меня пёрышки на крыльях короткие.

— Отрастут! — подбодрил воробей маленькую птичку.

— Летать — это знаешь что такое?

Тут воробей задумался. Долго думал. Потом спросил:

— Ты жить любишь?

— Люблю, — сказал Голубчик.

— А летать — это как жить. Это жить лучшей на белом свете жизнью.

Голубчик искал в небе коршуна и не находил.

— Не туда смотришь! Низко летит. Кого-то сцапал. Несёт в когтях, — и воробей радостно чирикнул, — да не меня! Да не тебя!

Фуфыр-рь! Воробьиная стая порхнула в воздух, умчалась.

ЖИТЕЛИ ТРАВЯНОГО ЦАРСТВА

Птенцов, обросших пёрышками, знали свою травяную тропу. Но наш Голубчик, как всегда, отставал и отклонялся.

— Ты кого ищешь? — спросил брата большой птенец.

— Я не ищу, я смотрю!

— На кого? — большой птенец поозирался. — На кого?

— На всё.

— На всё смотреть глаз не хватит.

— Я смотрю сначала на это, а потом на это.

Они стояли возле норки. Прилетела пчела величиной с большую муху. Потрогала лапками вход и ушла под землю. Тотчас выбрались наружу. Улетела.

Голубчик стоял, замерев. Старший брат тоже замер. Стояли, стояли.

— Что будет? — спросил старший брат.

— Будет пчела. Вот она!

— И чего? На что ты смотришь?

— На пчелу. Пчела носит нектар, а ещё листочки. У неё в задних лапках — зелёное.

Старший брат подпрыгнул:

— Но чего ты ждёшь? Клюй! Не промахнётся.

— Надо у мамы спросить: мы пчёл едим? — И Голубчик вдруг бросился бежать.

Большой птенец — без оглядки следом.

Остановились дух перевести.

— От кого мы убегали? — спросил большой птенец.

— От искушения, — сказал Голубчик. — Такую пчёлку склевать непозволительно.

— Почему?!

— Она работница.

Большой птенец столкнул брата с тропы.

— Все наши едят-едят! А мы, дураки, глядим-глядим.

И тут зажужжало, загудело. Большой птенец спрятался под ромашкой. А тот, кто жужжал, гудел, опустился как раз на ромашку.

Птенцов спасла мама.

— Вот вы где! Почему отстали?

— Мама! — сердце Голубчика билось, колотилось. — Мама, ты видишь?

— Это шмель. Он, как пчела, кормится нектаром цветков. Нам ли прятаться от шмелей.

— Мама! Я не испугался. Мама! Шмель красивый.

— Нам не до красоты! Надо есть, надо расти!

КАК ХОРОШО БЫТЬ ТРАВЯНЫМ

Голубчику снилось: он летит на облаке, а впереди — туча. Из тучи полосами — дождь и зигзагами — молнии.

Дождинки — вода, молнии — огонь. Как всё это помещается в одной туче? Туча чёрная, она свои тайны прячет.

Голубчик взял и перелетел с белого облака на тёмную тучу. Посмотреть. А туча, чтобы тайны не открывать, пролилась ливнем и растаяла.

Голубчик с дождинками не упал. Остался в небе.

— Я летаю! — крикнул он маме и проснулся.

В траве тихо. И на всей земле тихо. Но светло. Голубчик пригляделся к травинкам. Сияют. Посмотрел на облака — не шелохнутся. Спят! И все звери сияют, все птицы сияют.

— Мне никто не помешает смотреть! — обрадовался Голубчик. Отслонился от тёплого большого птенца, раздвинул травинки... Сделал шаг и замер.

Он был среди всего! Среди неба, среди земли, среди травы, среди всех, кто живёт на белом свете.

— Иду! — сказал себе Голубчик. И пошёл. Два шага быстрых, но уже третий шаг получился задумчивым, а четвёртый совсем робким...

На лугу росли ромашки и выюнки. Ромашку не проглядишь. Каждая ромашка — будто солнышко. На лугу таких солнышек тысячи. И — ни единого.

А где весёлые, похожие на бабочек выюнки? Здесь днём бело и розово. Голубчик оглянулся, набрался храбрости, пошёл, пошёл...

Вот оно что! Выюнки спят. Свернули цветы в трубочки. И ромашки тоже спят! Спрятали солнышки.

— Какой я ранний! — похвалил себя Голубчик. — Я даже солнце опередил.

Он принялся рассматривать травинки и увидел спящего кузнечика! И спящую златоглазку!

Молчание трав, молчание лесов. Остановившиеся облака. Голубчику стало немножко страшно. Он тоже замер.

И тут куст черёмухи подпрыгнул! Это закричали разом проснувшиеся воробьи. Небо тотчас порозовело. Воробьи разбудили солнце. И — коршуна.

Чёрное пятно заляпало чистое небо. Голубчик перестал дышать. Наука жить — простая. Не шевелись, и коршун тебя не увидит.

Когда Голубчик, собравшись с духом, открыл глаза, земля была в лучшем своём утреннем платье.

Ромашки открыли солнышки, выюнки развернули трубы.

Звучала музыка. Музыка света. На каждой травинке сверкала капля росы.

А всё ведь солнце. Солнце взошло.

— Не сердись на меня! У тебя их три, — сказал Голубчик травинке и взял в клюв горящую семью огнями росинку. И понёс её, не зная, куда несёт. Зачем? Весь луг светился, сиял, сверкал, и Голубчик стал лугом.

КОГДА ДЕВАТЬСЯ НЕКУДА — ЛЕТИ!

Чудо потому и чудо, что чудо. Осыпая с травы и перьев росу, взлетела птица, а впереди птицы — трель.

Голубчик ахнул и проглотил росинку. Он успел подумать о росинке, ведь сверкающая капелька теперь в нём, но о себе он забыл. Птица подбрасывала свои трели вверх, к солнцу. Трели, набрав света, сверкая, летели к земле, но птица их схватывала на лету и уносила выше, выше!

— Фырь! Фырь! Фырь! — в траву рухнула воробьиная стая.

— Жаворонка слушаешь? — спросил Голубчик знакомый воробей.

— Я даже росинку проглотил, — признался Голубчик. — Какое счастье родиться с голосом.

— Птичье счастье — песни. Птиц за песни любя! — Воробей взгрустнул, нахохлился. — А мы чирикаем. Мы — жив-живчики.

Голубчику хотелось развеселить друга. Росинку бы подарить. Но роса уже высохла. Потянулся получше разглядеть траву, поднял крылышки.

— Уже летаешь? — спросил воробей.

Голубчик сказал правду:

— Перья на крыльях растут, но уж очень медленно.

— А мы летаем. Мы лисёнка дразним! Он, дурачок, гоняется за нами.

И в это мгновение воробей-часовой чирикнул, как свистнул:

— Лиса!

Воробьи порхнули, но воробушек задержался возле Голубчика. Затрепетал в воздухе крыльями.

— Маши, как я! Маша! Маша!

Голубчик увидел лисёнка и побежал. Воробьиная стая повисла над птенцом:

— Не убежишь! Крыльями маша!

Голубчик ударил крылышками по воздуху. Ударил, ударил, ударил и... Травинки остались внизу. Голубчик очутился среди воробьиной стаи. Он был в небе, в воздухе, которым дышал. В синем, как незабудки.

ЗАЧЕМ ХОДИТЬ, ЕСЛИ УМЕЕШЬ ЛЕТАТЬ

Воробьи сели на клён, укрылись в надёжной кроне. Было темно, как ночью, но всякий воробей чирикал. Да во всё горло!

— Жив! Чив! Чивы-чивы — живы!

«Почему я молчу?» — Голубчику было стыдно за немоту: его спасли от зубов рыжего. Только ведь мама тоже не чирикает.

Воробьи успокаивались, успокоились и смолкли. Голубчик спросил дружка-воробья, сердцем спросил:

— Ты мог бы научить меня пению?

— Пению? — изумился воробей. — Какое это пение? — и закричал, трепеща от восторга крылышками. — Вы слышали?! Наш серенький хотел бы чирикать!

Воробьи закричали все разом и потом чирикали-чирикали, чирикали-чирикали, будто смеялись.

Голубчик вдруг испугался:

— Как же я доберусь до земли, до травы?

— Зачем тебе трава? Зачем ходить по земле, если крылья носят?! — удивился друг-воробей. — Лети! Я тебя провожу.

— Мы все его проводим! — зашумела стая. — Серенький хочет чирикать по-нашему, по-воробьиному! Жив-жив!

Стая вспорхнула, и Голубчик вспорхнул. Друг воробей был рядом, подбодрял:

— Полетел, так уже не разучишься!

И правда, Голубчик поспевал за стаей. Но воробьи неожиданно взмыли вверх, сделали над сереньким круг и унеслись. Они летели на поле, где колосился серебряный овёс.

НА КРЫЛЬЯХ

Голубчик глянул под крыло. Какой он, воздух? Не разглядишь, а держит надёжно. Земля далеко внизу! Во все стороны. От горизонта до горизонта! Изумрудная! Родная. И по изумрудной, по нежно-зелёной — золотая от лучей солнца лента.

Летающий птенец кинулся посмотреть, что же он открыл. С неба — вниз! В кудрявые клубы кустарника. Опустился на ветку, а под кустом журчит вода.

— Ре-ка-ква-ква! Ква-ква-ре-ка! — зелёная лягушка сидела на широком листе и пучила изумлённые глаза на серенького.

— Ква-а-а! Ква-а-а! — лягушка скликнула своих подружек поглядеть на птицу.

Голубчику показалось, что вся река смотрит на него. Вся река кричит ему:

— Ква-а-а! Ква-а-а!

— Как удивительно вы поёте! — порадовался Голубчик. — Ах, мне бы так!

— Ему бы кваак! — ухнула огромная лягушка, и тысячеголосый хор грянул славу зелёному народу. — Ква-а! Ква-а! Ква-ак!

«От такого громкого пения я упаду в воду!» — испугался Голубчик и порхнул с ветки в небо. Обрадовался: «Я совсем как воробей! Вот только чирикать не умею».

Замахал крыльшками изо всех сил. Мама ищет своего птенца, а он о маме вспомнил, когда налетался влать.

Крылья несли серенького над водой. Стрекозы срывались с камышинок, летели кто куда.

— Я хочу полетать с вами! — крикнул сердцем Голубчик синим и зелёным.

Куда там! От стрекозиных крылышек треск стоит. В осоке прячутся.

«Они от меня спасаются», — догадался летающий птенец.

Огорчился. Взлетел над рекой. Вот оно, чудо. На одном берегу белой стеной берёзовая роща, на другом — луга.

— Чьи вы?! Чьи вы?! — кричали на лугу чибисы.

— Я мамин! — ответил птицам Голубчик.

И услышал трель. Уже знакомую. Летел так, что чуть не столкнулся с певцом.

— Ты кто? — спросило сердце.

— Жаворонок!

— Мне бы так же, как ты! Твой голос — чудо из чудес!

Жаворонок сложил крылья, упал в траву и молчал.

Обиделся.

— Но почему? Что я сказал нехорошего? — Голубчик никак не мог понять своей вины перед чудесным певцом.

Жаворонок не ответил. Пришлось попроситься. Полетел, а навстречу — счастливый визг. Ласточки!

Ласточки мчались стремглав, вверх, вниз, колесом. Наш Голубчик кинулся в эту кутерьму, но тотчас отстал.

Увидел стрижа, взлетающего к облаку. Тоже устремился ввысь. И тут мимо него чёрной молнией промчалось огромное, ужасное.

Ласточки разом смолкли. Наш Голубчик ви-

дел: в лапах коршуна билась птица. Стая ласточек погналась за коршуном, но что они могли сделать жестокому охотнику?..

Голубчик и сам не понял, как очутился на своём кусте. Птенцы были в траве, а мама — рядом.

— Мама, коршун унёс ласточку.

— Врага надо увидеть раньше, чем он тебя, — сказала мама. — Но как это прекрасно: ты уже встал на крыло. Ел меньше всех моих птенцов, а полетел первым.

— Нам скоро в Африку? В далёкую? — спросил Голубчик.

— Научимся летать, и — дорога колесом.

ДОБРЫЙ ВЕТЕР

Чудо, оно ведь тоже созревает, как птенец в яйце. И клювиком по скорлупе!

Птенцы проснулись — и полетели. Врагов убьёшь, забот прибьёшь. А чуда даже не заметили.

Мама подняла семейство над вершинами деревьев — показать небу и солнцу.

Кто ты без неба? А с небом — с Богом. И опять надо учиться.

Небо — океан воздуха и пространства. В океане океанские течения. В пространстве Вселенной течения звёзд и времени. Об этих великих потоках надо знать, а чтобы жить — дружить с теми, кто рядом: с ветром, с ветерками. Мама-птица учила птенцов:

— Приласкайте ветерок крыльями. Он ведь маленький. Он любит ласку. Кто играет с ветерками, тому летать легко.

Братцы и сестрицы разлетелись по сторонам искать ветерки, а Голубчик присмотрелся к быстро плывущему облаку и — догонять!

А облако, как парус: всё дальше, дальше.

Голубчик развернулся и полетел ветру навстречу. Крыльшки размахнул, будто не пускает, будто хочет остановить.

— Ах, ты птаха! — удивился ветер. — Ты моему потоку перечишь?

— Я не перечу! — Голубчик ветра не испугался. — Я учу мои крылья быть сильными. Твой поток могучий, но он добрый.

— Это верно! — согласился ветер. — Чёрный

Вихрь поломал бы твои крылышки, а я их расправил... Ну-ка, что ты теперь умеешь? Догони облако.

— Но как я тогда вернусь к маме?

— Голубчик крылышки поприжал и стал совсем крошечным.

— Да как вернёшься? — загудел добрым басом ветер. — С моей помощью.

И шепнул птенцу:

— Я ведь и не знал, что я — Добрый Ветер. Мне теперь жить стало веселей! Лети!

Нырнул Голубчик в самые быстрые струи. Эх! Куда стрижем до малого комочка на крыльях!

С волны на волну — невидимую! — с крутой на крутую...

— Ай да птаха! — радовался Добрый Ветер. Подхватил Голубчика, поднял над облаком, показал дальние дали и принёс к маме-птице:

— Хороший у тебя ребёнок!

— Где ты был? — спросил старший брат младшего.

— Над облаками летал. Посчастливилось. Я встретил друга. Его зовут Добрый Ветер.

ТЕРЕМ ГОЛОСОВ

Нет счастливей птиц на белом свете. Проснулся — и в небо!

Утром мама-птица подняла крылатое семейство уж очень высоко. Значит, и лететь очень далеко. Наверное, к тёмному зубчатому окоёму.

— Мама! Мы — на край земли? — догадалось радостное сердечко Голубчика.

— Это не край земли. Это лес на горизонте.

Далёкий синий лес, когда до него долетели, оказался обычным. Сосны золотой стеной, суровые прекрасные ели, в низинах берёзы, а у воды — ольха, осины. Наш обычный лес, он, конечно, просто лес, а просто лес — простое дивное диво.

Голубчик выбрал замечательную ветку, похожую на корону. Сел и стал осматриваться. По соснам вверх и вниз скользили золотые

солнечные лучи, но вот что удивительно: солнце как раз зашло за облако, на земле — тень. Голубчик стал смотреть во все глаза... Ах, вот оно что. За солнечные лучи он принял белок. Уж очень они быстрые и очень рыжие. Голубчик обрадовался ошибке, и — ах! Его ветка сошла с места и направилась к воде. У Голубчика лапки цепкие, не упал, но удивился. И обнаружил ещё одну свою ошибку. За ветку он принял рога огромного лося.

Лось лакомился листьями берёз, а Голубчик не знал, что ему делать. Кинуться в небо — все поймут: глупая птица приняла за дерево лосиные рога. Ехать дальше, сидя на короне, — лес обидишь: лось — воевода русских лесов.

Голубчик старался быть незаметнее. А лось подошёл к реке, забрёл в воду, напился, и Голубчик увидел себя: на среднем роге сидел серый комочек с клювом.

На реке вдруг стало шумно: бобры чинили плотину, готовились к зиме. Они подгрызли дерево, и оно ударилось в воду, вздымая брызги.

Голубчик под шумок порхнул, взлетел над лесом — и скорей к своим.

Мама учила птенцов распознавать певчих птиц.

– Это голос иволги. А вот и она.

– Такая жёлтая! – удивился Голубчик.

– Не отвлекайтесь! – строго сказала мама.

– Слышите? Это поёт пеночка, а это – голосок овсянки.

– Зяблики! Зяблики! – узнали братцы и сёстры.

Зяблики словно бы передавали свою песню друг другу. Песня была сладкоголосая, счастливая.

– Они всех любят! – сказал Голубчик. – Запели – и в лесу стало краше.

– Внимание! Внимание! – требовала мама.

– Слышите? Какие чудесные голоса!

Птицы словно спешили, пели громко, мелодично. Одна – нежно, другая – тревожно, а третья раскатилась долгими свистами, доказывая, кто поёт здесь лучше всех.

– А ведь это всё одна птичка! Её зовут крапивник! – удивила птенцов мама. – А вот, вот, вот. Слышите серебряный колокольчик? Это зарянка! Птица крошечная, а на зиму в Африку перелетает. Как и мы.

– Мама, мама! А это что такое? – заторопилось сердце Голубчика.

– Тетерева токуют. Самые красивые птицы нашего леса. Они от зимы не бегут. Они ходят под снегом.

Голубчик изумился:

– Мама, и тетерева – чудо, и все песни – чудо. Мы в тереме из птичьих голосов!

– Лето! – вздохнула мама. – Летом всем хорошо.

Старший брат подлетел к Голубчику и сказал, завидуя:

– Я видел, как ты на лосе ехал. Какой же ты смелый!

Голубчик подумал-подумал и признался:

– Я сел на сухую ветку, а это были рога.

КУКУШКА

Они набирались силы лесной. Склёвывали почки, крылатые семена сосны, паслись на ягодниках.

Голубчик видел колючих ежей. Видел зайца. Улетел от быстрой куницы. А ещё в лесу жила кукушка.

– Ку-ку! – будто в сердце постучались. Голубчик проснулся.

– Ку-ку!

Кажется, зовут? Крылья поднял, но поостерёгся лететь незнамо куда.

– Ку-ку! – и тишина.

– Ку-ку! – и опять тишина.

Это уже не зовут, а манят. Играть в прятки?

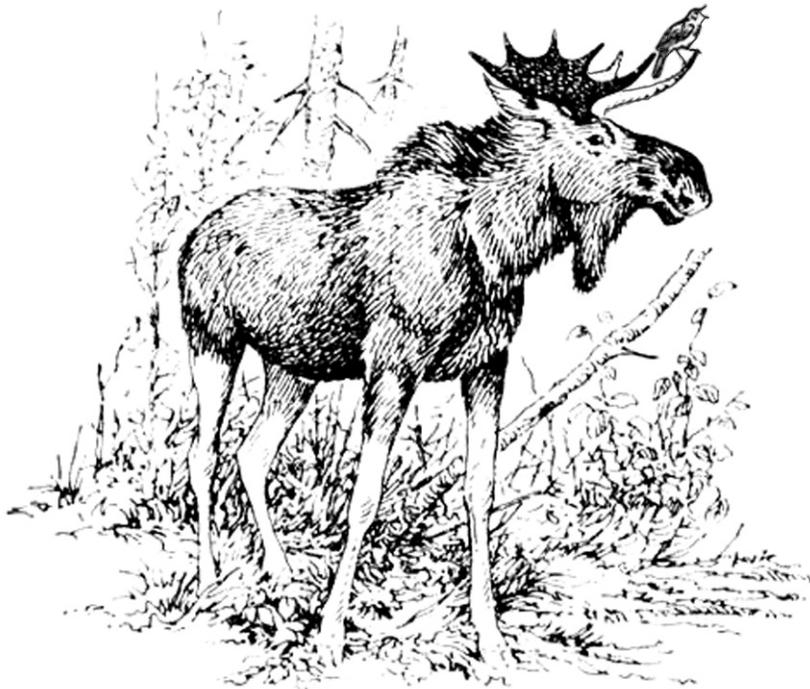
Голубчик терпел, не срывался в полёт. Но сердце улетело к кукушке без спросу. Не смог наш серенький смирить свои крылья. Вдруг – понесли.

Осаживал себя. Замирал на вершинках берёз, но...

– Ку-ку!

И нет тебя. Улетел.

Догнал Голубчик кукушку в седьмом лесу от дома.

Кукушка увидела, что за ней летит малая серая птичка, окликнула:

– Ты со мной?

– Меня позвали.

– Я зову искать счастье. Но ты, пожалуй, возвращайся. Я своё откуковала. Лечу открывать Вырий. Видишь, у меня ключи от Вырия?

– Вырий – это птичий рай?

– Я одно знаю: Вырий – земля вечной весны. Возвращайся к своим. Твоя мама знает дорогу. Я ведь быстрая. Потеряешь меня, а впереди – море...

– Море? А что оно такое?

– Испытание птичье. Вот тебе моё прощальное: ку-ку, ку-ку, ку-ку!

ПЕРЕЛЁТ

Голубчик прилетел к маме, застав последнюю искорку заходящего солнца. А утром мама сказала:

– Ну, ребятюшки, крылышки подняли, полетели!

Голубчик заспался, потянулся из сна в явь, а семья – в небо. Пришлось догонять.

Солнце шло своим путём. И стайка птичек летела, летела.

Сели в пойме реке. На закате. Подкрепили силы – и опять в небо.

– Мама! – удивился Голубчик. – На земле – сияние. Подлетим.

Селение, церковь, синий куполок и лучи от креста.

– Золото сияет, – сказал умный старший брат.

– Кресты божие. Святые. Посветил нам крест, значит, благословил дорогу нашу.

Мама смотрела на стайку радостно. А у Голубчика – вопрос:

– Мы теперь в какие края летим? В далёкие? Африка, она где? За краем земли?

– Африка стала ближе на один день, – сказала мама.

– Мы уже в Африку летим! – ликовал Голубчик. – А по дороге у нас будут гнёзда?

– Мы – птицы! – закричал большой братец. – Наше гнездо – небо.

– Небо – наши дороги, – сказала мама. – Не спорьте, силы надо беречь. Нас ждёт море.

– А какое оно? – не выдержал Голубчик. – Мы его узнаем?

– Узнаете, – вздохнула мама. – Это волны. Вода без края, сияющая. И вода бушующая...

После таких маминых слов Голубчик зорко вглядывался в землю. Ему хотелось первому открыть море. Для сестёр, для братьев. Для мамы.

ПРОИСКИ ЧЁРНОГО ВИХРЯ

Они летели над застывшими волнами золотых полей.

– Что это, мама?

– Созревший хлеб.

Поле огромное, за полем дома крестьян. Аккуратные, с садами... Но домов становилось всё больше. И вот уже до горизонта пространство занято каменными коробками, огромными столбами из стекла. Из чёрного, из синего, из серого...

Мама подняла стайку как можно выше, но пространство заняли поднебесные, из белого металла, цилиндры. И ещё трубы. Дым закрыл небо, дышать стало тяжело.

– Скорее к земле! – приказала мама.

Они летели над серым асфальтом, над множеством крыш.

– Мама, что это?! – закричало сердце Голубчика.

– Город!

– Город живёт без неба? – они летели между громадами зданий, неба и впрямь не было. Щели.

– Мама! – признался Голубчик. – Я не хочу быть человеком.

– Радуйся! Ты – птица.

– А нельзя ли облететь город?

– Ты же сам видел – на окраинах города трубы и дым.

– Мама, ты посмотри!

Клубы гари вздымались до таких высот, где и птицы не летают.

– Мама! Нас несёт в эту тьму.

Стая сражалась с потоками горячего воздуха, но крылья были слабее напора тяжёлого ветра.

– Мама! Крылья не слушают меня! Мама, там огонь! Там всё горит!

– Садимся на землю! – приказала мама.

— А я на что? — загудел басом могучий Добрый Ветер. — Шире крылья!

Понёс прочь стайку птиц от пожарища. Высоко поднял.

— Вот они, наши пространства!

Как зеркальца сияли с земли озёра. Леса тёмно-зелёные, необъятные.

— Это всё Вихрь натворил, — сказал Добрый Ветер Голубчику. — Ударил цистерну о цистерну, устроил катастрофу и рад. Дым у него до неба. Птичьи стаи в дым окунают! Тешится.

— Ты наш избавитель! — сказал Голубчик Доброму Ветру.

— Грош мне цена, если бы я не успел другу помочь.

Летели над равниной. Равнину оплетали синие ленты рек.

— Как праздник! — обрадовался Голубчик.

— Праздник! — согласился Добрый Ветер. — А впереди — ковыльная степь. Мы с тобой по ковылям ох как поскакали бы! Но ждут меня. Степь за Волгой умирает без дождя. Чёрный Вихрь клубит там землю столбами, уносит в море. Хочет, чтобы всем было плохо: людям, птицам, рыбам... До встречи! Если какая беда приключится, зови!

— Как?

— Сердцем. Сердце стучит тихонько, а слышно его на другом конце земли. И на звёздах слышно!

ДЕВОЧКА, ОЖИДАЮЩАЯ ЧУДА

Голубчик ждал ковыльной степи. И дождался. Земля сверкала золотыми строчками. Строка за строкой, строка за строкой.

— Мама, это ковыли?

— Это скошенные хлеба. Садимся на поле, поищем зёрнышек.

Зёрнышек всем хватило. Голубчик клевал, клевал и опомнился.

— Мама! Я такой теперь тяжёлый, меня крылья не поднимут.

— Вот и славно! — сказала мама. — Впереди у нас степь, горы, море. Каждое зёрнышко даст вам сил на целый час полёта.

Спали в ту ночь в соломе. Полетели, как в первый день: смелые, сильные. Ветры тоже были попутные. Внизу по степи текли седые травы.

Голубчику эти травы казались златогривыми конями.

— Это же ковыли!

Полетел несказанно весело и — задохнулся. И — остановился. В небе! Вихрь не пускает.

— Буря! — крикнула птенцам мама. — Прячемся в ковылях!

Нырнули под седую волну травы. Вихрь потерял птиц. Помчался сразу во все стороны — искать непокорных. Но в небе — пусто.

Буря затихла ночью. Мама подняла стайку. Перепорхнули в сад. В саду белый домик. Голубчик спал на яблоне. Разбудил его радостный голосок.

— Бабушка! Какая маленькая птичка прилетела к нам.

— Воробей! — сказала бабушка. Она была старенькая, но очки не любила.

— Нет! — девочка не согласилась. — Воробьи коричневые, а эта — серенькая. Да ведь и не серенькая. Спинка оливковая, хвостик рыжеватый. Горлышко пятнистое. Желтоватое.

— Уж не соловейка ли залетел к нам?! — удивилась бабушка, щуря глаза. — Тебе бы, кровиночка ты наша, чуда! Завтра сентябрь, осень на дворе, а вот запел бы соловей, запел бы осенью ради тебя, ради доброй души твоей — ты бы и встала на ножки. От изумления! И пошла бы! И побежала бы! Голосок тебе Господь дал соловьиный, а с ножками — беда.

Личико у девочки белое, но глаза счастливые, синие.

— Бабушка! Бог меня не обидит. Я потерплю. А за терпение грех будет прощён.

— Какие у тебя грехи? — бабушка слёз в ладони наловила. — Какие у тебя грехи, коли с младенчества в коляске!

Девочка запела. Очень тихо. И Голубчик приказал сердцу молчать, чтоб не мешало песенке.

Глядит на меня солнышко.

Луна на меня глядит.

Песню спюют два горлышка:

«Всё лучшее впереди!»

Зацветёт по осени вишня,

В листопад запоёт соловей,

У Бога в мире нет лишних

И нет нелюбимых детей.

Голубчик заслушался. Засиделся. И за ним прилетела семья. В небе спохватились — Голубчик отстал.

ГОРЫ — КАК МОРЕ

— Вижу море! — обрадовалось сердце Голубчика.

Бархатно-зелёные хребты, поросшие лесом, как мхом, накатывали из неведомой дали, и каждый новый хребет был выше, краше. А потом пошли хребты каменные, безжизненные, обожженные дочерна солнцем.

— Это горы, — сказала мама. — Это волны земли.

И стала подниматься к солнцу.

— Мама! — закричал Голубчик. — Мама! Мы спалили крылья!

— Видите белые шапки? — спросила мама птенцов. — Это вершины. На вершинах — снег. Чтобы не обморозить оперения, мы полетим ущельями.

Стало холодно. Летели, согреваясь из всех сил. Горы кругом были совсем уж грозные. Скалы, провалы, водопады. Через хребты перетекали ветры. Ветры выли, как волки. Никакой мочи уже нет, но Голубчик терпел. И громада каменных чудовищ расступилась. Впереди — свет, свет, свет!

— Ах, вот оно!

Оказывается, сердце Голубчика умело улыбаться.

— Ах, вот оно!

Из света проступило нежное, сине-зелёное, ласковое. Но Голубчик сразу разглядел: на это нежное, зелено-синее, надвигается тёмное. И такое это тёмное, и такое синее, что было понятно: перед тобою тайна. Тёмное и тайное, но не чёрное, море светило глубинами. Но самое удивительное: у синевы и у тайны не было края.

Голубчик и белую полоску приборя разглядел. Белая полоска обрамляла землю, отчёркивая горы от сине-зелёного и зелёно-синего.

Никто из стаи даже вздохнуть не осмелился. Летели над морем.

МОРЕ — КАК ГОРЫ

А Голубчик вдруг обиделся. Почему мама говорила о море, что это тяжко, что это испытание?

Во весь простор — чудо! Во весь простор от горизонта до горизонта пролившееся на море, на волны солнце. А потом была сказка. Солнце стало клониться к горизонту, и через море, через весь простор легла золотая, огненная дорожка.

— Летите кучно! — приказала мама птенцам. — Солнце село в тучу. Ночью надо ждать бури. Помните, если держаться сердце к сердцу — не потеряемся.

Страшно было слушать такое. Море стало ещё прекраснее. Оно катило изумрудные волны, и громадные эти валы были похожи на горы.

— Мама, море необъятное? — спросил Голубчик, сам не зная почему.

— Перелетим — обнимем.

— Всё вода, вода! — рассердился старший брат. — Мама, что будем делать?

— Будем лететь, — сказала мама.

Стало темно, летели под звёздами.

Голубчику показалось: на крыльях у него — искорки.

— Мама, я, кажется, несу звёзды.

— Не тяжело?

— Нести на крыльях звёзды — счастье!

— Завтра будет хороший день! — сказала мама. — Пережить бы ночь.

МОРЕ УЖАСА

Голубчик не мог понять мамино беспокойства. Правда, звёзд стало меньше, ветры посвистывали. Но темно, ветры просто окликают друг друга.

Мгновение — и звёзды исчезли с неба.

— Думал, затеряешься, крошка малая? Вот он я! — это был Чёрный Вихрь.

Небо стало твёрдым, воздух скручивало в спирали. Но что с морем сделалось?

Волны сшибались, да так сшибались, будто каждая капля была врагом всему свету. Морю было больно. Волны стонали. Ураган срывал с белых гребней и пену, и сами вершины волн. Срывал, вздымал и швырял в небо.

Дождь шёл снизу вверх. Дождь этот был горький, солёный.

Голубчик даже сердцем не слышал стаю. Его носило по небу, как упавший с дерева листок.

Ухнул вдруг в мокрый ворох перьев — сверкнула молния, и Голубчик увидел большое, белое.

— Это же лебедь!

Лебедь даже не почувствовал маленькую птицу, упавшую ему на спину. Крылышки Голубчик не раскрывал, чтобы Чёрный Вихрь не сломал их.

— Дотерпеть до света, до солнца! — приказал себе Голубчик.

Но свет явился из тьмы. Яркий, радостный. Света было много, очень много.

По морю плыл город. Голубчик распахнул крылья.

— Попался! — взвыл Чёрный Вихрь.

На раздумье — миг. Голубчик сложил крылья, камешком — в бездну. И Вихрь снова потерял птицу. Взъярился, ухватил волну, завернул в воздух, скрутил воду и воздух столбом, и этот столб пошёл по морю.

Не надо желать зла ни большому, ни малому.

Слепой от бешенства Чёрный Вихрь ударился о борт огромного лайнера и расшибся в морось.

СПАСЕНИЕ

— Папа! Кто-то ударился об иллюминатор. Да это же птица!

— В такую бурю всякая душа спасения ищет!

Иллюминатор открыли, птаха метнулась по каюте, села на резную раму картины и затаилась.

— Серенькая, но воробьи через море не летают! — сказал мальчик.

— Мы совсем не знаем природу, — вздохнул отец. — Какая-нибудь овсянка, чижик-пыжик...

— У чижей красные шапочки.

— Куда летит этакая кроха? Что ищет?

— Папа, я читал: соловьи — они ведь тоже очень небольшие — перелетают из России в экваториальную Африку. А в Интернете я видел птицу, белую с чёрной головкой. Забыл, как её зовут. Она делает перелёты с берегов Ледовитого океана до Фолклендов. Почти до Антарктиды!

— Ты сказки-то рассказывай, но будь хозяином! — сказал папа сыну. — Нашего удивительного дружка надо накормить. Вода с него капает, хоть отжимай.

Накрошили печенья в тарелку, поставили блюдце с водой. Мальчик положил в блюдце изюма.

Быстро улеглись в постели, потушили свет, но мальчик поднялся и оставил иллюминатор открытым.

ИСПЫТАНИЕ ПУСТЫНЕЙ

Море воды далеко за горизонтом. Но теперь тоже было море, а может, и океан. Океан песка.

Спросить, где он теперь, не у кого. Маму и всю стаю унесла буря.

Голубчик удивлялся себе: он знал — под ним

пустыня. Беспокоиться не о чем. Крылья в Африку принесут. Но когда?

Солнце с ромашку, белее белого света. Голубчик, спасаясь от солнечных лучей, полетел над барханами. Но пустыня дышала жаром. Да таким — свариться можно.

В небе ни единого облачка. Всё пространство — пустыня: на земле и на небе.

Но что это? Песчаные волны пустыни, оказываются, движутся. Как вода в море.

И будто паводок принесло. Барханы устремились в небо. Оранжевая мгла закрыла солнце. Обжигающий крылья ветер подхватил крошечную птицу и понёс.

«Меня нашёл Чёрный Вихрь! — покорно подумал Голубчик. — Спасенья нет ни на земле, ни в небе».

— Рано сдаёшься! — заудел знакомый бас.

— Это же Добрый Ветер! — обрадовалось сердце, и больше ничего не было.

АФРИКА

Он нашёл себя... в траве. Что-то тихонько звенело. Вода. Ручей. Голубчик прыгнул на камушек. И пил, пил, запрокидывая голову.

Ещё одна радость — тень. Густая тень. Огромные голые стволы, а на вершинах — могучие кроны. Пальмы. Оазис.

Голубчик дождался захода солнца, полетел в ночь. Крылья несут, значит, уверены в себе. Но беспокойство было. Узнают ли крылья Африку? Не пронесут ли мимо?

Спал Голубчик на деревьях, в траве и спрятавшись среди камней. Он летел над горами, над морем, над пустыней. Крылья несли — значит, желанная земля впереди.

Однажды на рассвете Голубчик увидел с неба синие цветы.

— Незабудки!

Ах, как сердце забилося! Полетел что было сил, а это — деревья! Деревья, цветущие синими цветами.

— Уж не Африка ли?

Сел между прекрасными лепестками — поразмыслить. Но всю ночь в полёте — дрема сморила.

И! Он взлетел — не проснувшись. Опасность!

По ветке, на которой спал, скользнула изумрудная змея.

— Африка! Я в Африке.

Увидел сверху воду. Большую воду. Полетел посмотреть.

Озеро, но с протоками. Вода илистая, мутная. Дальняя сторона озера густо покрыта белым. Что это такое? И даже думать не стал.

Усталость навалилась на крылья. Голубчик разглядел в воде коряжку.

Сел на самый приметный бугорок на этой коряжке. Она вся была в бугорках.

Вот теперь и призадумался. Если это Африка, надо осмотреться и жить.

А как жить? Как жить без мамы? Вот сидит он на коряге, а таких коряг в родном краю не было. Африка. В Африке всё африканское.

СРАЖЕНИЕ

Коряжка была очень уж коряжистая. Стоит на месте и смотрит круглыми глазами. Оказывается, у африканских коряжек имеются глаза.

Потянуло ветром, и коряжка не только поплыла — она всплыла. Это было целое дерево, покрытое круглыми шишками. И уж совсем непонятно: дерево шевелило хвостом.

Ветерки на воде прохладные. Голубчику нравилось мирное неспешное плавание. Всплыли ещё две коряжки... С глазами, лапами.

— Это же крокодилы! — знание неведомого наконец-то проснулось в Голубчике. Он смотрел в крокодильи глаза, но крокодил смотрел на что-то другое, мимо Голубчика.

И вдруг все три страшили, ударяя лапами и хвостами по воде, кинулись к середине озера.

Крокодилья пасть распахнулась, наш Голубчик покатился по коряжке, но крылья не ждали, когда о них вспомнят, понесли над водой. Вода кипела, бушевала. Три крокодила набросились на огромного питона, переплывавшего озеро.

Питон, спасая жизнь, опутал кольцами двух крокодилов, но третий, огромный, на котором плавал Голубчик, схватил змею пастью, рвал когтями лап. Прокусить, пронзить змеиную кожу не получилось. И тогда крокодилы утащили

питона под воду. Голубчик взлетел как можно выше и сверху видел: три крокодила разорвали бедного питона надвое.

А в небе неба уже не было. С воды поднялись многие тысячи белых птиц. Голубчик попал в их карусель. Птицы кричали, били крыльями по воздуху — настоящая буря. Буря, смещаясь, несла Голубчика над зелёными клубами африканского леса.

Птичий поток редел, и вот уже осталась в небе единственная стайка. Но какая!

Крошечные, меньше стрекоз, птички были как искры звёзд. Каждая птичка сияла своим изумительным огнём.

— Ка-ли! Ка-лу! Кали-кали-кали-бри! — кричали птички.

«Какой же я серый среди колибри!» — огорчился Голубчик. Сел между огромными колючками мимозы и остался один.

САВАННА

Одному в Африке страшно. Наш серенький кинулся догонять неведомо кого. Долгим был полёт. Внизу трава, трава... Трава высотой с лес. Травяное царство в Африке называется саванной.

Голубчик изнемог, увидел прогалину в травяных дебрях — сел. И вот оно — чудо. Земля устлана семенами. Собрать сюда всех птиц планеты — все будут сыты.

Голубчик утолил голод и устроил съедобное гнездо. Сердце, благодарное травам и земле, стучало, стучало. А солнце уже закатывалось. Короткие, как вздох, сумерки — и земля провалилась в бездну. Африканская ночь — чёрная.

Из тьмы прокатился по саванне звериный рык. Звёзды на небе дрожали, а на земле немигаючи горели зелёные глаза хищников.

Страшное тоже можно перетерпеть. Голубчик смотрел во тьму, смотрел, смотрел, и крылья понесли его! Увидел сине-голубые незабудки, друга-воробья и догадался, где он. Крылья унесли в сладкий сон.

СТРАУСЫ

Когда наш серенький открыл глаза, горело небо. Огонь был яркий, оранжево-белый. Голубчик перестал дышать, а вместо беды явилось хорошее: день.

Голубчик через травяные дебри поспешил к свету. И увидел ноги. Голубчик голову поднимал выше, выше, а ногам конца не было. Взлетел от нетерпения. Ах, вон оно что! Страус.

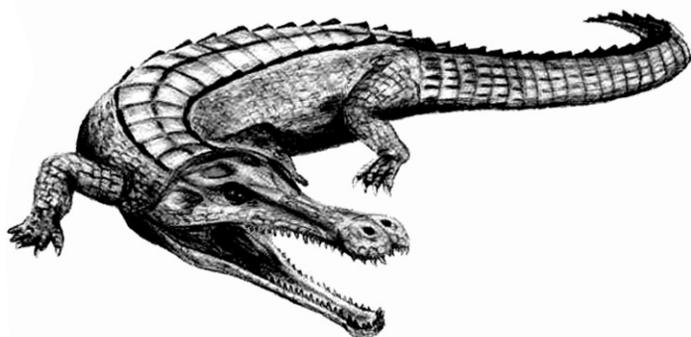
Чёрный страус стоял над огромным белым яйцом и поворачивал голову: туда — сюда, туда — сюда.

И высмотрел!

По саванне, высоко поднимая ноги, бежал белый страус. Белый, как белый день.

Чёрный радостно поднял крылья и, бросая ноги перед собой, бросился бежать по саванне. Без оглядки.

Белый страус нежно коснулся головой яйца. Приноровился, распушил перья и сел выводить потомство.

АФРИКАНСКИЙ КАРАКАЛ

Голубчик летел над кромкой травяного моря. Ветры гнали волны травы, зелёное море шумело. Но солнце поднялось в зенит, ветры изнемогли под палящими лучами, сомлели. И Голубчик сомлел.

Нырнул под широкий лист высокого стебля в тень. Он, маленький, серенький, почти хозяин травяных просторов. Но куда летит? Что ищет? Подумать нужно было крепко. А вместо раздумий — дрема. И, как вспышка молнии, — опасность!

Каракал, сверкая глазами, рычал и шипел, отгоняя защитников. В зубах каракала трепыхалась большая птица.

Голубчик замер, да так, что стебель под ним тоже не шелохнётся. Трава и птицы живут в любви.

Каракал, прячась в траве, пожирал добычу, и тут прилетела сине-зелёная сияющая птица. Её, такую красивую, прежде чем отпустить в полёт, выкупали в золоте. Это был зимородок.

Зимородок сел на ветку засохшего куста. Головка плоская, прямая, как шапочка с длинным козырьком. Вместо козырька — нос.

Зимородок засмотрелся на саванну, а каракал затаился.

«Он не ведаёт о звере!» — у Голубчика от ужаса сердце перестало стучать.

Трава шевелилась: каракал подползал к кусту. До куста три прыжка, два прыжка...

Голубчик, ударяя крыльями по листьям, по метёлкам великанской травы, выпорхнул из укрытия.

Тотчас и зимородок взлетел.

Каракал толкнул от себя землю всеми четырьмя лапами, сиганул вверх. Когти цапнули пёрышко с хвоста. Пёрышко сине-зелёное, позлащённое, кружилось в воздухе.

Каракал звериными глазами вперился в Голубчика.

Скачок! Лапа разорвала воздух под брюшком.

Наш серенький, трепеща крыльями, мчался в глубину саванны. Но каракал — вот он! Воздух снова свистнул — грубо, страшно.

И только рычание вдогонку. Трава окутала

хищные лапы. Угомонила погоню. В такой густой траве не побегаешь.

Голубчик летел, летел. Лишь бы лететь. И почувствовал: ему мешают взмахивать крыльями. В небе тесно. Столкнулся со стрекочущим в небе кузнечиком.

Страх отстал от Голубчика, и он стал видеть и слышать. Странно это — летающие кузнечики. В Африке, конечно, всё по-африкански. Но у Голубчика была своя забота. Он пережил смертельную опасность. Он жив, и ему очень хотелось есть.

Сел на бугорок, поросший низкой травой. Зёрен и на бугорке было много. Клевал, клевал, клевал. Тут его и застала чёрная африканская ночь.

Рычали звери, вскрикивали ночные птицы. Где-то далеко постукивали тамтамы. Трава звенела от стрекотни.

Всё как обычно. Всё как в Африке.

САРАНЧА

Приснилось Голубчику удивительное. Бежит по травяному морю каракал. Трава перед ним расступается, а за каракалом гонится страусёнок. Страусы, белый и чёрный, поспевают за страусёнком, радуются его храбрости. И вдруг что-то переменялось на белом свете.

— Проснись! — приказал себе Голубчик. И проснулся.

Спросонья понять ничего не может. Впереди трава исчезла, за спиной — исчезает. Земля шевелится. Это прёт, пожирая травяное море, напасть.

— Саранча!

За друга своего, за траву, Голубчик ринулся на полчище в бой. Сразил одну саранчу-кобылку, сразил третью, десятую, сороковую, но саранча прибывала. Саранча лезла Голубчику на спину, шла через него, будто он пенёк. Спасая крылья, наш серенький пробрался к бугорку, порхнул, стряхивая саранчу с крыльев.

Но куда лететь?

Земля сплошь покрыта саранчой. Развернулся, увидел чёрную тучу. Где туча — там дождь.

Летел изо всех сил от нашествия, которому никто не смеет перечить. И — замер. В небе замер.

Туча вздымалась клубами. Так горела в городе нефть. Ветер принёс запах дыма. Люди, спасая поля от саранчи, подожгли саванну.

Голубчик видел сверху языки огня. Огонь надвигался быстро. Сообразил — надо лететь навстречу ветру. Ветер задержит огонь.

И услышал странные звуки.

Кто-то плакал. И уж очень горько! Обидели маленького.

Голубчик поднялся выше.

— Слон!

Слон стоял, подняв хобот, и кричал тоненько, жалобно.

Он — большой, но он — маленький. Он — слонёнок!

Голубчик подлетел к испуганному одинокому ребёнку.

СЛОНЁНОК

Никто слонёнка не слышал. Слонёнок опустил хобот, закрыл глаза.

Всю ночь и всё утро он продирался сквозь заросли травы. Ломился к заходящему солнцу, брёл вдоль Млечного Пути, кинулся к солнцу, вставшему над землёй.

И вот один. Пахнет дымом. Дым — опасность смертельная, но в какой стороне спасение?

Голубчик сел слонёнку на голову. Слонёнок не пошевелился.

Голубчик вспорхнул, затрепетал крыльями перед его глазами.

— Огонь ещё далеко, мы успеем спастись! — Голубчик, как всегда, говорил сердцем, а слонёнку всего-то и нужно было, чтоб кто-то что-то ему приказал.

Голубчик полетел над вершинами трав, слонёнок пошёл следом. Хоботок он поднял вверх. Ему хотелось быть ближе к строгой птице.

Голубчик знал, как одиноко, как страшно слонёнку. Он сел на хобот, и слонёнок повеселел. Забыл про усталость, ломился через траву как настоящий слон. Он теперь не одного себя спасал, но и птицу. Ничего, что она такая крохотная, она смелая.

Голубчик то и дело взлетал, следил, куда движется туча дыма и гари.

Пожарище закрыло половину неба, и над землёй взлетали багровые языки пламени. Ветер нёс огонь по воздуху. Столбы огня поднимались над саванной. Небо в той стороне, куда они уходили, было высокое, светлое, но пожар наступал на свет.

Слонёнка и птицу нагнал топот. Бежали зебры и буйволы. По смятой траве слонёнку двигаться стало полегче, но трава вдруг сама

расступилась. Высокий зелёный холм. Ветры на вершине холма дули в сторону пожара. Даже дымом не пахло. Слонёнок остановился перевести дух. Тишина была необъятная. Голубчик услышал — трубят.

Слоны трубят! Очень, очень далеко. Но теперь он знал, где спасение.

И тут из травяного моря на холм выскочило семейство гепардов. Слонёнок — добыча, но Голубчик не улетел, сел слонёнку на спину, будто этот слон был его.

Когда за тобой гонится пожар — не до охоты. Гепарды — самые быстрые звери Африки — промчались мимо.

Голубчик полетел, слонёнок поднял хобот и побежал. Путь ему указывала маленькая серая птица.

Их обогнали антилопы. Антилопы бегут бесшумно, взлетая над землёй, а слонёнок топал. Ветер переменялся, дым косицами тянулся к беглецам со всех сторон.

Голубчик взмыл в небо.

Пламя стеной стояло перед холмом, где они совсем недавно отдыхали. Языки огня обтекали холм...

Голубчик полетел перед слонёнком, трепеща крыльями что было мочи. Пусть и слонёнок бежит из последних сил. И когда этих сил у топа-

ющего ребёнка не осталось, травяное море обмелело. Здесь траву сожрала саранча... И тотчас явилась ещё одна страшная опасность.

Из травяного плена выбежали гиены. Гиены даже на львят охотятся.

Голубчик остался верен слонёнку и самому себе. Не улетел. Сидел на кончике хобота и вёл слонёнка за собою туда, где трубили слоны.

Солнце уже клонилось к земле. Гиены, измученные долгим бегом, обнюхивали землю. Им чудился запах воды.

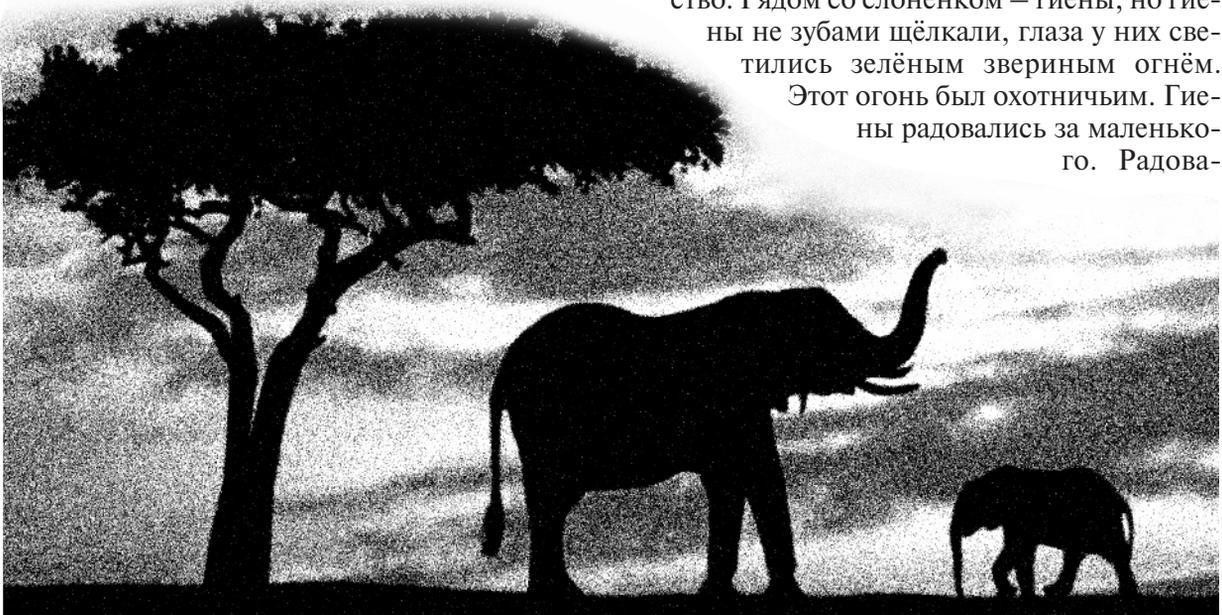
Слонёнка гиены видели, но они умирали от жажды. Голубчик снова взлетел, чтобы посмотреть, что впереди. И тут слонёнок затрубил. По-детски, но радостно. Он тоже почувствовал запах большой воды, запах мамы.

Гиены — звери сообразительные. Бежали, оглядываясь на слонёнка и на птицу над слонёнком. Слонёнок теперь даже не топал, бежал и трубил. Зубастые гиены его не испугали. Звери и звери. Бегут куда-то, и пусть бегут, а он — к маме.

Солнце закатилось за синие, за далёкие горы, но небо не погасло ещё. Оно было золотое от горизонта до горизонта.

И вода впереди тоже была золотая. Огромные слоны слышали наконец трубящего слонёнка. Развернулись и смотрели, как он бежит, живой, весёлый, одолевший одиночество. Рядом со слонёнком — гиены, но гиены не зубами щёлкали, глаза у них светились зелёным звериным огнём.

Этот огонь был охотничьим. Гиены радовались за маленького. Радова-

ЖИРАФЫ

лись, что он живой, что он трубит, что он будет расти и станет огромным, как все слоны.

А слоны подняли свои хоботы и тоже затрубили сразу все, приветствуя слонёнка. А птицу, уж такую крошечную, слоны не увидели.

Голубчик сделал над слонами круг, но африканская тьма уже вздымалась с земли, торопилась слиться с тьмою неба.

Голубчик стремглав кинулся к высоким деревьям. Сел на краешек ветки. Успел найти кров.

ГРУСТНАЯ ВСТРЕЧА

Разбудили Голубчика яростные крылья. Серая птичка, не больше Голубчика, насакивала, грозила взмахами крыльев...

Сердце наконец проснулось и услышало:

— Пошёл вон! — кричала сердитая птица. — Эта территория моя!

Голубчик взерошил крылья, встряхнулся, сон отлетел.

— Какое счастье! — закричало его сердце. Он узнал в птице своего старшего брата. — Не шуми! Посмотри на меня. Неужели не узнаёшь? Я Голубчик.

— Вижу, что ты Голубчик. Но эти деревья мои. Это озеро — моё. Видишь бегемотов? Видишь их сколько? Они тоже мои. А ты лети туда, откуда прилетел.

— Но мы одна семья. Мы — братья. Где наши сёстры? Где мама?

— Я знаю, что я — здесь, что всё это — моё. Чужаки мне не надобны.

— Солнце только ещё показалось, а тебе уже голову напекло! — забеспокоился Голубчик. — Полетим к воде, охладимся.

— Я тебя заклюю, если ты не покинешь пределы моих владений!

Старший брат, пролетая, толкнул Голубчика, и он упал с ветки. Крылья раскрылись сами собой, подняли в небо, понесли.

С высоты увидел воду, слонов, а слонёнка не увидел. Слонёнок стоял, прижавшись к маме. К маминой ноге.

Летел наш sereneкий день напролёт. Летел от огорченья. Когда солнце коснулось земли, сел на зелёное дерево. Листья укрыли птицу надёжно. От хищных глаз, от ветра, от жары.

Засыпая, Голубчик подумал странное: «Я проснусь совсем другим». Вспомнил старшего брата, загоревал. Но на небо выкатилась полная луна, и сны в эту ночь были лунные. Ветка, покачиваясь, пригибалась. Голубчик пробудился, но взлетать не спешил.

Увидел большие губы, взявшие листья, увидел чёрные, удивившиеся маленькой птице глаза.

В Африке думать надо быстро, но ещё быстрее — видеть. Черногривое, солнечного цвета с белыми пятнами животное стояло на высоких ногах.

— Жирафа!

Голубчик сразу догадался: жирафа — зверь добрый. Она держала листья губами, но не срывала, не хотела испугать маленькую птицу.

— Если я теперь другой, пусть буду как жирафа! — сказал себе Голубчик.

Взлетел и увидел прекрасное семейство. К новорождён-

ному жирафу подходили старые и юные жирафы и ласково трогали чёрными носами чёрный носик младенца. Голубчику захотелось жить среди ласковых.

Опустился в траву и пасся, как жирафы. Взлетал, находил дерево с нежной листвой и звал сердечком семейство:

— Сюда! Сюда!

РОДНАЯ ЗВЕЗДА

Жирафы безголосы. Они глазами любят, глазами жалеют, а зовут — сердцем.

Хорошо было Голубчику в семье.

Но однажды ночью на дерево, где жил наш серенький, пантера втащила убитую антилопу.

Перелетел на другое дерево, сел на самую высокую веточку. Подальше от зверя. Засмотрелся на звёздные огни. И увидел на краешке неба малую искорку. Звезду родной земли. Полярную. Солнце, луна, звёзды водят хоровод вокруг этой малой искорки.

Тоска объяла Голубчика. Полетел.

Полетел к звёздочке, а она за горизонт ушла. Голубчик не сдался. Летел. И вдруг понял: домой летит.

СТОЛ-ГОРА

Африканская ночь свою скатерть сворачивает в одно мгновение.

Утро тотчас стелет скатерть восхода. Чудится — небо за горизонтом горит, ждёшь беды, но является солнце. И вот он — белый день, вот она — африканская жизнь.

Сколько пролетел за ночь Голубчик, он и сам не знал. Но внизу, под крыльями, — горы. Впереди стол-гора. Скалы отвесные, чёрные. И вдруг просиял с горы золотой крест. Как когда-то на родной земле.

Голубчик взмыл к вершине, и ему открылось удивительное. Вершина горы — и вправду ровная, как стол. Крест на церковке. Церковка круглая. Вокруг — сад. Тропинка лентой, и ещё один сад возле круглого дома.

Крест сиял, радуясь страннику. Крылья забыли усталость. Голубчик сел на крышу под

крестом. Было так хорошо, будто уже прилетел на родину.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Пробудили нашего серенького звоны. Звоны летели с горы на гору, может быть, и по всей земле, но эхо возвращало звоны на стол-гору, к золотому кресту.

В било ударял бронзовым пестом златолицый.

Священник отворил двери церкви, а звоны всё ещё ходили по горам, созывая на молитву.

Серенький залетел в храм, и священник обрадовался.

— Сегодня у меня прихожанин!

Голубчик увидел воду. Напился. Это была святая вода. Сел на висячий шкаф, в котором хранились свечи, масло, облачение.

Священник начал службу, освятил блюдо с зерном и поставил возле святой воды.

Священник служил Богу, а серенький клевал освящённые зерна.

С крестом и кадиллом батюшка вышел из церкви, запел молитву и двинулся крестным ходом вокруг храма.

Вершины, ущелья, скалы повторяли слова молитвы, уносили за горизонт и возвращали на стол-гору. Одиноким голос превратился в хор. Горы славили Творца, и небо накрывало это чудо куполом света.

Наш серенький полетел за священником и увидел: крестный ход одинокого человека на стол-горе — это настоящий крестный ход. За крестом шли муравьи и травяная рать, летели пчёлы из четырёх ульев, летели бабочки, пронеслась стайка сверкающих колибри, а под солнцем плыли орлы.

Голубчик прожил день в саду, но когда священник стал звонить к вечерне и когда крест просиял заходящему солнцу, наш серенький полетел навстречу ночи, ожидая Полярную звезду. Звёзды — путеводительницы птичьи.

ГОЛУБЧИК И ЧЁРНЫЙ ВИХРЬ

Летел Голубчик радостно, да только как не ждал от себя тревогу, она — в сердце.

Если на море ждёт Чёрный Вихрь, трудно бу-

дет долететь до берега. На таком просторе, среди неба, негде спрятаться. Но ведь святую воду пил, освящёнными зёрнами кормился... Верил Голубчик: Бог с теми, кто не покоряется злу.

Море встретило сиянием. Крылышки от счастья распахнулись, заскользили по струям попутного ветра. И тут с единственной гневливой волны взметнулся столб Чёрного Вихря.

Говорите, в небе, в безоблачном, в синем от края и до края, укрыться негде от зла?

Сердцем жил наш Голубчик. А чистое сердце — самая надёжная защита наша.

Взлетел ввысь, и Чёрный Вихрь тоже вскрутился до неба. Поглядел на малую птаху чёрным оком, а за птахой — солнце.

Ослепло зло, рухнуло на морскую гладь. Продавило воду до самого дна и лежит теперь в бездне, не шелохнувшись. Зло — тяжелее камня.

ТАМ, ГДЕ ЖИВЁТ ДЕВОЧКА

Перелетел сияющее море Голубчик легко. Солнце — на закат, а птичка-невеличка — на ветку. На яблоню. В саду — белый домик, окно отворено. Вечер. Тепло. Небо розовое, вишни цветут. И — голосок:

— Бабушка! Птичка прилетела! Бабушка! А ведь это та самая птичка, она осенью прилетала. Ты говорила, что это соловей.

— Соловьи поют, а эта — немтырь. Много их, птах божьих. На всех имён не напасёшься.

Девочка промолчала, но про себя подумала. Уж так подумала, что сама себе поверила: «Соловей споёт осенью в нашем саду! Споёт мне, Елизавете, на счастье!»

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Степь, где прятались с мамой под ковыльями, во всю ширь — алая. Маки цветут.

Ниточки рек — лентами, большие реки — разливами. В небе — травяной дух. Молодой, без хитрых затей. Весна — вот и зелено.

По небу мётлами — берёзы. Зенит — синий от берёзовых крошечных листочков. Такая радость, будто ждали, ждали и дождались. Зима миновала, миновала. Да так миновала, словно её и не было.

Лопаются на тополях почки. Воздух сладкий, тополиная весна.

Голубчику самому хотелось стать весной. Сон долго не шёл. Небо светится, будто ждёт друга, без которого весна зазря считает свои деньки. Кто этот неведомый друг? Когда прилетит? Из каких краёв?

Вот так, вечеряя, увидел Голубчик на небе тонкий серп. Серп, как прорезь в мир света.

Это был новорожденный месяц. Голубчик усмотрел его с ольховой ветки, а потом — в воде. Вода вечерняя, без единой морщинки, но покачивалась, баюкала месяц.

Что-то затрепетало у Голубчика в горлышке — уж так хорошо. А оттого хорошо — земля родная. Прилетел. Теперь надо мамино гнездо найти.

Ухнула выпь на болоте. Грозно, могуче, и всё смолкло.

Затрубили потихонечку, чтобы не помешать ни птицам, ни рыбам, ни зверью лесному, лягушки.

Метнулась бесшумно летучая мышь.

В лучах, далеко-далеко, коростель спохватился:

— Спать пора! Спать пора!

Возле месяца загорелась звезда. До того одинокая! Но ведь на счастье.

Всё живёт, всё дышит, светит, и всё замирает сладко. Зашумишь — упустишь мгновение. А ведь что ни мгновение — весна.

РОДНОЙ ДОМ

Солнце — на небо, Голубчик — в полёт. Летел туда, не знаю куда, но где было гнездо, в гнезде — яйцо, в яйце — он, а за стеной скорлупы — трель.

Голубчик и вправду не знал, где всё это, но крылья несли.

И расступился лес, и увидел Голубчик золотой крест над синим куполом. Купол венчал белую церковь.

— От креста до креста — и вся дорога! — сказал себе Голубчик.

— Здравствуй! — обрадовался другу Добрый Ветер, понёс бережно, неторопко.

И увидел Голубчик: ива — над рекой, ветка — над водой.

— Я — дома.

Ветка качнулась, листья ивы встрепенились, и всё замерло.

Услышал: вода журчит. Увидел: берег реки — золотой от множества солнышек. Цвела мать-и-мачеха.

— А где же все наши? — Голубчик взлетел над рекой, кинулся в луга. И — радость! Воробьи в траве пасутся.

Сел возле стайки. Прыг-скок! Воробей-дружок:

— Я тебя заждался!

— Знаешь, сколько пришлось лететь? — сердцем сказал Голубчик.

— А знаешь, какая зима была?

— Какая? — спросил Голубчик.

— С оттепелями! Жив-жив!

— Жив-жив-жив! — закричали воробьи и примолкли, смотрели на Голубчика. Удивительно смотрели, будто ждали от него удивительного.

— Полетаем? — спросил Голубчик друга.

— Полетаем.

Вспорхнули, помчались наперегонки, а в лугах жаворонки поют.

Увидели жаворонки серенького, трепещутся в струях тёплого воздуха, но все смолкли. Смотрят на новосёла, удивительно смотрят и молчат.

— Что это с жаворонками? — не понял Голубчик, а воробей — в крик.

— Жив-жив! В траву! В траву!

Сели в высокую траву, которая зовётся тысячелистником. Хорошо. Трава густая. Коршун по небу плавает, добычу высматривает, но ветер налетел порывом. Понесло коршуна к лесу. А Голубчик с воробьём — в небо.

— Гляди, сколько пшеницы посеяно! Люди о нас думают!

Пшеница озимая, изумрудная.

— В лес полечу! — сказал Голубчик. — По мхам соскучился.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЛЧАНИЯ

В лесу сел наш серенький на клён. Листья у клёна — совсем как птенцы. Не жёлтые, не зелёные, но очень уж нежные.

Зяблики песенки дарят друг другу. Малиновка о малине-ягоде мечтает. Скворец вдруг запел. Голосисто, с переливами, с переборами.

Тут ворона и каркнула на скворца.

— Как ни старайся, ты у нас — скворец, а не соловей. Никого не обманешь!

Скворец с досады каркнул по-вороньи и клюдым улетел, в скворечник.

Сел Голубчик в зелёный мох. Затаился. До чего же зелено! Хотел пробежаться, как бывало. Ногу поднял, а перед ним — жук-олень.

Засмотрелись друг на друга, но Голубчик-то уж не птенец. Если на чужой дороге стоишь, уступи дорогу хозяину. Вспорхнул Голубчик, полетел по сосняку. Смотрит — нора. Возле норы — три лисёнка. Увидели птицу, прыгают, хвостами машут, как друзья. Ещё маленькие, не съесть птичку захотелось лисяткам — полетать по небу.

Голубчик — к вершинам, а вершины шумят, радуются. День хороший.

Вернулся наш дружок на ивовый куст. Вода Голубчику обрадовалась, загулькала, да со звонами.

ВЕЧЕР

Лягушки на бережку сидят, курлыкают, а тиные трубят, но уж так бережно: тишина благодарная объяла землю.

Замер Голубчик на своей ветке.

Вот и день прошёл. Первый день на родной земле.

— А я молчу, — сказал этакое и удивился. И вспомнил — трель. В горлышке задрожала беззвучная волна неведомо чего.

Но тьма была такая — ни единой звезды. За рекой, на высоком берегу, — два фосфорических огня. Хищник. Сколько таких огней видел в Африке. А эти родными показались. Лиса на охоту вышла. Но ведь за рекой.

Долго слушал Голубчик, как вода течёт. Тьма, подобно морю, тоже текла. Вот только море течёт, да не утекает. А тьма, может, и не утекла, но иссякла. Была, и нет её. Рассвет занимается.

ВТОРОЙ ДЕНЬ МОЛЧАНИЯ

Затаясь в кусте черёмухи, слушал Голубчик родные звуки. Год тому назад он был несмышлёныш-птенец, но все голоса весны остались в нём. Теперь он слушал родную землю и молчал, изумлённый. Одно огорчило. Прилетел к лягушкам — они ведь обещали научить его квакать. И такие обманщицы. Увидели серенького и умолкли. Смотрели на него во все глаза. И — ждали. Ему было стыдно напомнить зелёной братии об их обещании.

Подождал, подождал и полетел к гнезду детства. В родном гнезде когда-то было тесно. А теперь — один. Без родной семьи. На земле — пусто.

ТРЕЛЬ

Проснулся Голубчик — третий день на родной земле. За работу! Гнездо пора строить. Своё.

Пробрался сквозь ветки во глубину куста, вот оно — заветное место. Ветки у самой земли растут густо. Полетел Голубчик за прутиками, за травинками. Мху принёс. Полетел на луг пёрышек птичьих поискать.

Чибицы серенького увидели, обрадовались:

— Чьи вы? — кричат. — Чьи вы?

В небе жаворонок звенел, да так звенел, будто вызывал кого-то: откликнись!

Серенькому звонны жаворонка, зовущие, в сердце запали:

— Не меня ли зовёт?

И затосковал. Затосковал наш Голубчик по трели. Она жила в нём.

Принёс пёрышки жаворонка в гнездо, постелил. И вдруг прыгнул вниз, в траву. Пошёл между травками-муравками. Искал чего-то. Но чего? Может, синие да голубые незабудки! А может, самого себя — птенца пушистого?

И замер перед нежным, как детский сон, цветком. На цветке белые длинные капли, гроздь капель. Подснежник.

Кинулся серенький с земли в небо. Сам не знал, что с ним. Примчался к старому гнезду, к мамину. А гнездо занято.

Птичка в гнезде — такая же, как он, серенькая, но краше за все тысячи вёрст — над саванной, над джунглями, над морями, над пустынями, степями, лесами, горами, городами — не встретил.

Взлетел к солнцу, а под облаком стрижи купаются в синеструе. Пал с неба на лес. Лес в пересвистах, будто всякий листик, всякая травинка поёт.

Голубчик — к своей иве, на свою ветку над водой, затаился, чтоб не упустить того, чему быть.

Солнце село. Крикнул из лугов коростель:

— Спать пора!

Ещё разок крикнул, умолк.

И всё замолчало. Лягушки, совы, даже вода не всплёскивала.

Все ждали.

Голубчик сам не понял, как смелости набрался. Тоненько-тоненько позвал он серенькую, занявшую их старое гнездо.

Все обмерли, слушая этот зов. И был ответ: весёлый короткий щёкот.

— Я слышу тебя!

Всё, что было у Голубчика неведомого в горлышке, пролилось на весеннюю воду, на цветущую черёмуху, на умолкший тёмный ночной лес, на луга в белом тумане. В этом неведомом Голубчик узнал трель. Но не ту, коротенькую, а трель, которая копилась в нём и вот лилась без удержу по родной земле и для всех, кто молчал в этой ночи, ожидая его трели.

Голубчик умолк на мгновение, чтобы понять, как далеко раскатилось его счастье. И услышал в ответ щёкот. Уж такой ласковый!

— Соловьи запели! — говорили люди, улыбаясь, находя в себе хорошее, ясное, молодое.

Успевшие уснуть дети замирали от счастливого чуда. Один соловей — одиночество. Такое же изумительное, как одиночество луны, одиночество солнца. Два соловья — любовь и жизнь.

Голубчик наш, соловушка, благодарный за ласку серенькой, за её трель, за её щёкот, залетел свистами до звёздных облаков, до Млечного Пути, загремел громами, поместившимися в его крошечном горлышке.

Тут было и море, и горы, и пылающая саванна, слонёнок новорожденный, жирафы,

молитва священника, пропетая горами. И не забудки, и мама, спасающая Голубчика в изумрудных мхах от жука-оленья...

— Ах, какой соловушка к нам прилетел! — изумлялись люди.

А воробей, прикорнувший в сумраке, проснулся среди ночи, послушал соловья и узнал:

— Наш! Серенький! Чирикать хотел научиться. Добрая душа!

ПОСЛЕДНЕЕ

Нет, вы ещё не всё знаете о Голубчике, о соловушке.

Была весна, когда соловьи поют. Было лето, когда соловьи выхаживают птенцов.

Пришёл август.

Кукушка прокричала прощальное: ку-ку! Полетела отпирать ключами Вырий.

Полетел и наш Голубчик за море. Просиял ему крест, благословляя дальнюю дорогу.

Порадовала ковыльная степь. Ковыли сверху — как табуны коней во времена скифов и сарматов.

И прилетел Голубчик в сад. Сел на яблоню. Край южный. Окошко было отворено, и девочка радостно позвала:

— Бабушка! Бабушка! Наш соловей прилетел.

Бабушка не услышала внучку. Она собирала помидоры с грядок.

Был вечер. В серебряном небе горела звезда-печальница. Уж очень одинокая.

Соловей увидел звезду и потянулся к ней тоненькой, чтоб никого не растревожить, трелью.

— Соловей! Среди осени!

Девочка оттолкнула в сторону кресло на колёсах и побежала из дому в сад.

Бабушка охнула, кинулась к своей родненькой. А девочка стояла в саду, прижимая руки к груди. Соловей увидел девочку, вспомнил странный разговор о том, что его трелей ждут по осени. И понял: дождались.

И другая трель, трепещущая, умывшая сердце слезами, полетела над землёй, ради всего хорошего. Не поют соловьи по осени, но уж коль так вышло, значит, на то есть божье благословение.

Был вечер, смотрела с неба одинокая светлая звезда. Пахло осенью, пел соловей, а девочка, ждавшая соловья, стояла на земле крепко, надёжно, забыв о коляске, о костылях, потому что дождалась. Верила и дождалась.

□

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ —

прозаик, поэт, детский писатель, драматург, публицист, критик.

Родился в 1936 г. в Воронеже.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга — «Мальчик с Веселого» — была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям:

«Дядюшка Шорох и шуриавы», рассказы и повести «Дворец Золушки», «Дом с жабой», «Желуди», «Журавлик», «Кот в сапогах с секретами» и др.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968), Всероссийской премии «Капитанская дочка»

(1997), премии им. Александра Грина (2005) и др.

Член Союза писателей России с 1967 г.

